

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О Л. В. СОБИНОВЕ

Леонида Витальевича я встретил впервые в 1905 году у Женни Штембер, известной арфистки, в ее просторной петербургской мансарде, где постоянно толпился артистический люд. Собинов был в офицерском кителе с университетским значком. У него был нежный молочно-розовый цвет молодого лица и необыкновенно изящное, благородное очертание маленьких губ. Он стоял у стены равнодушный и, как мне сначала показалось, надменный, но когда расположившаяся в далеком углу на ковре шумная компания кавказских студентов грянула какую-то не известную мне песню, он заулыбался, закивал головой и как-то по-студенчески—просто и молодое—уселся на том же ковре в самой гуще этого нескладного хора и запел их песню вместе с ними, и было видно, что для него это дело обычное, что здесь он в своей среде,—не только кумир, но и собрат молодежи.

Песня была революционная (студенты в ту пору не пели других), и потом, когда тут же, на ковре, начался разговор на революционные темы (а других разговоров в том году не бывало), Собинов с таким суровым презрением заговорил о народных врагах и продекламировал злые стихи, шельмовавшие врагов, что один горбатый студент с восточными огненными глазами, сидевший рядом с ним на ковре, порывисто обнял его и поцеловал прямо в губы. Это вышло вполне естественно, как будто иначе и быть не могло, и отлично выразило те чувства любви, которые переполняли присутствующих.

Лишь гораздо позднее, четверть века спустя, я случайно узнал от Леонида Витальевича, что автором тех революционных эпиграмм и сатир, которые он декламировал тогда перед нами, был он сам.

Его будущему биографу будет также небезынтересно узнать, как много и охотно он жертвовал петербургскому обществу помощи политзаключенным. Писательница Татьяна Александровна Богданович, друг Короленко, член этого подпольного общества, регулярно отправлявшаяся к Леониду Витальевичу за очередными субсидиями, всегда возвращалась от него очарованная его беспримерною щедростью.

Щедрость его была легендарной. Киевской школе слепых он прислал однажды в подарок рояля, как другие присылают цветы или коробку конфет. Кассе взаимопомощи московских студентов он дал своими концертами 45 тысяч рублей золотом. Раздавал он весело, радушно, приветливо, и это гармонировало со всей его творческой личностью: он не был бы великим артистом, приносившим столько счастья любому из нас, если бы ему не было свойственно такое щедрое благожелательство к людям. Здесь ощущалось то бывшее через край жизнелюбие, каким было насыщено все его творчество.

Стиль его искусства был так благороден потому, что был благороден он сам. Никакими ухищрениями артистической техники не мог бы он выработать в себе такого обаятельно-задушевного голоса, если бы этой задушевности не было у него самого. В созданного им Ленского верили, потому что он и сам был такой: беспечный, любящий, простодушный, доверчи-

вый. Оттого-то стоило ему появиться на сцене и произнести первую музыкальную фразу, как зрители тотчас влюблялись в него,—не только в его игру, в его голос, но в него самого.

И здесь первый урок, которому учит своих продолжателей и наследников Собинов: сила всякой эстетики—в этике.

И второй урок: героизм труда. Ничего не делать кое-как, вполвину. Когда Собинов был приглашен на гастроль в украинскую оперу, он, коренной ярославец, уже почти стариком стал учиться говорить и читать по-украински, пригласил к себе учителем литератора Павла Опанасенко—штудировать украинскую грамматику, синтаксис—и в конце концов овладел этим языком в совершенстве... Его высокая культурность проявлялась в каждом его жесте, в каждом слове. Он чудесно знал литературу на двух или трех языках, особенно стихи, и сам сочинял их во множестве. Но, требовательный к себе, он смотрел на свое стихотворство, как на дилетантскую прихоть, и не придавал ему никакого значения. Между тем, среди его стихов бы-

ло немало таких, которые обнаруживали и вкус, и мастерство, и глубокое понимание поэтической формы.

...Как человек богатой и многосторонней культуры, он и в своих писательских попытках был мастером. Как-то встретившись с ним в одном санатории, я почему-то заговорил о дактилических рифмах, которые считал очень трудными. Он сказал мне, что я ошибаюсь, и в доказательство без малейшей натуги написал следующий превосходный экспромт, весь построенный на дактилических рифмах:

В уголочке отгороженном,
Лампой кварцевой палим,
Охлаждая жар мороженым,
Стройный, словно херувим,
Сам Корней рукою длинною
Мне с улыбкою невинною
Мило машет в знак приветствия,
Предлагая то же средство.

Здесь же сестры милосердия,
В электрической клетке
В исцеление предсердия
Держат птичкой взаперти
И меня, раба блаженного:
Знать, и впрямь я много

пенного,
И французского, и ренского
Выпил в славу пола женского.

Однажды, после долгих и шумных оваций, он наконец, ушел за кулисы и, встретив меня, сказал ироническим голосом, словно и не слышал аплодисментов и восторженных криков:

Ждали от Собинова
Пенья соловьиного,
Услыхали Собинова—
Ничего особенного.

Почему-то письма ко мне он почти всегда писал стихами. Какие это были прелестные, неприхотливые письма. К счастью, сохранилось много писем Л. В. Собинова и к другим лицам. Наследие это огромно, сделать его достоянием народа—наш долг. Даже те немногие письма, которые случайно постиглись мною, почти что, содержат в себе столько проникновенных мыслей об искусстве, о литературе, о политической жизни страны, в них так полно раскрывается личность их гениального автора, что держать их под спудом—грешно.